

Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве

Лидия С. Эверт

Институт медицинских проблем Севера ФИЦ КНЦ СО РАН;
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,
Саяна С. Серен-оол

Российская детская клиническая больница, Российская Федерация,
Диана А. Сат

Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва,
Российская Федерация

Работа посвящена изучению распространенности различных вариантов пользования интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ), патологического (ППИ) и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков Тывы разной возрастно-половой и этнической принадлежности. Выводы исследования основаны на анализе результатов офф-лайн тестирования подростков г. Кызыла, ставших эмпирической базой данной статьи. Обследования проводились методом случайной выборки в период с декабря 2020 г. по май 2021 г. и охватили 1659 человек, заполнивших три психометрических инструмента (шкала ИЗ CIAS), опросники для верификации зависимости от социальных сетей и игровой зависимости.

Представлен сравнительный анализ показателей в группах, различающихся по возрасту, полу и этнической принадлежности (тувинцы, русские). Выявлена распространенность интернет-зависимого поведения и особенности структуры потребляемого при интернет-деятельности контента в группах сравнения. АПИ характерно для 34,3% всех обследованных, НПИ — для 51,3% и патологическое (ППИ) или интернет-зависимое — для 14,4% подростков.

Особое внимание уделено вопросу о влиянии этнической принадлежности на онлайн-поведение подростков. Этническими особенностями была большая частота дезадаптивных (НПИ и ППИ) видов онлайн-поведения у тувинских подростков. Различия по полу включали большую встречаемость ППИ у тувинок-девочек, чем тувинцев-мальчиков. НПИ чаще регистрировалось у тувинцев (и мальчиков, и девочек). Что касается анализируемых показателей и их зависимости от возраста, то независимо от этнической принадлежности, для всех видов онлайн-поведения значимых возрастных различий не выявлено, за исключением младших подростков-тувинцев — у них чаще регистрировалось НПИ.

Структура потребляемого интернет-контента включала зависимость от социальных сетей у 13,9% подростков, игровую (5,2%), смешанную (9,2%) и недифференцированную (5,4%) интернет-зависимость (при отсутствии значимых этнических различий). Установлены различия по полу распространенности различных видов интернет-зависимости: игровой (выше у тувинцев-мальчиков), недифференцированной (выше у девочек), зависимости от социальных сетей (выше у девочек — и тувинок, и русских; среди мальчиков — выше у тувинских, чем русских).

Ключевые слова: подросток; Тыва; Кызыл; Интернет; онлайн-поведение; зависимость; потребляемый контент; тувинцы; русские

Для цитирования:

Эверт Л. С., Серен-оол С. С., Сат Д. А. Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 237-254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

Серен-оол Саяна Санчайевна — врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации и интенсивной терапии Российской детской клинической больницы — филиала Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 117. Эл. адрес: ssayana1977@mail.ru

Сат Диана Алдын-оловна — врач невролог, кинезитерапевт, заведующая лабораторией оздоровительных технологий и реабилитации Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва Министерства здравоохранения Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2а. Эл. адрес: diana_1986_07@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space

Lydia S. Evert

*Institute of Medical Problems of the North FITC KNC SB RAS;
N. F. Katanov Khakass State University, Russian Federation,*

Sayana S. Seren-ool

Russian Children's Clinical Hospital, Russian Federation,

Diana A. Sat

*Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva,
Russian Federation*

The study is dedicated to investigating the prevalence of various internet usage patterns, including adaptive (API), non-adaptive (NPI), and pathological (PPI) behaviors, as well as examining the characteristics of internet content consumed by adolescents in Tuva, considering their diverse age, gender, and ethnic backgrounds. The research findings are based on the analysis of offline testing results conducted among adolescents in Kyzyl, serving as the empirical foundation for this article. The surveys were carried out through a random sampling method from December 2020 to May 2021, involving 1659 participants who completed three psychometric instruments (CIAS scale), along with questionnaires for verifying dependence on social networks and gaming addiction.

A comparative analysis of indicators was performed among groups differing in terms of age, gender, and ethnic background (Tuvans, Russians). The study revealed the prevalence of internet-dependent behavior and the specific structure of internet activity content consumed within the comparison groups. Adaptive internet usage (API) was observed in 34.3% of all participants, non-adaptive internet usage (NPI) in 51.3%, and pathological internet usage (PPI) or internet addiction in 14.4% of adolescents.

Particular attention was paid to examining the impact of ethnic background on online behavior among adolescents. The study found a higher frequency of maladaptive (NPI and PPI) online behaviors among Tuvan adolescents. Gender differences were also noted, including a higher incidence of PPI among Tuvan girls compared to Tuvan boys. NPI was more frequently recorded among Tuvan adolescents (both boys and girls). Regarding the analyzed indicators and their correlation with age, significant age-related differences were not identified across all types of online behavior, except for younger Tuvan adolescents, where NPI was more prevalent.

The analysis of consumed internet content revealed dependency on social networks in 13.9% of adolescents, gaming addiction in 5.2%, mixed addiction in 9.2%, and undifferentiated addiction in 5.4% (with no significant ethnic differences observed). Gender differences were identified in the prevalence of various types of internet addiction: gaming addiction was higher among Tuvan boys, undifferentiated addiction was more common among girls, and dependency on social networks was more prevalent among girls, both Tuvan and Russian. Among boys, this dependency was higher among Tuvan boys compared to their Russian counterparts.

Keywords: adolescent; Tuva; Kyzyl; Internet; online behavior; addiction; consumed content; Tuvans; Russians

For citation:

Evert L. S., Seren-ool S. S. and Sat D. A. Podrostki Kyzyla (Respublika Tyva) v onlain-prostranstve [Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 237-254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, N. F. Katanov Khakass State University. Postal address: 3g, Partizan Zheleznayak St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 90, Lenin Ave., 655017, Russia, Abakan. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0665-7428

SEREN-OOL, Sayana Sanchayevna, Anesthesiologist—Resuscitator, Intensive Care Unit, Russian Children's Clinical Hospital, a branch of the Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov of the Ministry of Health of the Russian Federation. Postal address: 117 Leninsky Ave., 119571, Moscow, Russia. Email: ssayana1977@mail.ru

SAT, Diana Aldyn-oolovna, Neurologist, Kinesitherapist, Head, Laboratory of Health Technologies and Rehabilitation, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Ministry of Health of the Republic of Tuva. Postal address: 2a, Kencil-oolo St., 667000, Kyzyl, Russia. Email: diana_1986_07@mail.ru

Введение

В последние десятилетия во всем мире чрезвычайно актуальной, достигшей глобальных масштабов, стала проблема интернет-зависимости (ИЗ), особенно в подростковой и молодежной среде (Егоров и др., 2020). Интернет для нынешнего молодого поколения — не только доступный источник приобретения знаний и навыков, но и популярное место для знакомств и общения, где интернет-пользователи создают свои сообщества и участвуют в сетевых играх (Варламова, Гончарова, Соколова, 2015; Лопатин и др., 2017; Рыбакова, 2017; Peterka-Bonetta et al., 2019). Интернет из средства постепенно превращается в цель, что затрудняет нахождение подростков в реальном мире; зависимость от интернета форма поведения становится для них стилем жизни. Проблемное использование интернета характеризуется постоянной и непреодолимой тягой не только к компьютеру, но и к различным электронным гаджетам (планшету, мобильному телефону и др.), пользователь всецело поглощен пребыванием в интернете, что нередко ведет к дистрессу и проблемам со здоровьем (Вайнштейн, 2015: Электр. ресурс).

Концептуальное видение рассматриваемой в статье проблематики основывается на теоретических подходах, включая представления об особенностях поведения подростков и молодежи в сети Интернет, спектре потребляемого ими контента и распространенности феномена патологического пользования интернетом. В настоящее время интернет-зависимость рассматривают как мультифакториальное заболевание, где для каждого отдельно взятого пользователя определяющую роль играет сочетание врожденных особенностей центральной нервной системы (ЦНС), функционирование нейромедиаторов и влияние большого числа внешнесредовых факторов (семейных, социально-экономических, этнокультурных) (Егоров, 2015: Электр. ресурс; Heinze et al., 2016; Kaess et al., 2017; Tereshchenko, Kasparov, 2019; Vaccaro, Potenza, 2019; Doh et al., 2020). Приводимые в научной литературе сведения по вопросу Интернет-зависимости в подростковой среде указывают на масштабы этой проблемы и освещают различные причинные факторы, способствующие, по мнению ряда исследователей (Кибитов и др., 2019, 2020), формированию данного явления.

Чаще всего зависимыми от интернета и компьютерных игр становятся подростки (Karacic, Oreskovic, 2017; Reiner et al., 2017). Подростковый возраст — сложный и фрустрирующий период жизни, проходящий под давлением школы, семьи и друзей, являющийся наиболее чувствительным периодом для развития интернет-зависимости (Егоров и др., 2018; Soh et al., 2018; Miao et al., 2018). Имеющиеся публикации по этой теме как отечественных (Макарова, Резников, 2020), так и зарубежных исследователей (Becirovic, Rajevic, 2020) свидетельствуют о высокой включенности подростков, в том числе и российских, в Интернет-пространство.

Очевидна актуальность исследования ИЗ у современных подростков с учетом возрастного-половых, географических и этнических различий, что особенно значимо для такой многонациональной страны, какой является Россия. В последние годы проведены исследования, направленные на изучение распространенности интернет-зависимого поведения у подростков и студенческой молодежи различных стран (Avila et al., 2020), регионов, возрастного-половых и этнических групп (Griffiths, Pontes, Szabo, 2016; Jaiswal et al., 2020). В то же время, в России исследований такой направленности проведено недостаточно, малочисленны и разрознены сведения о частоте встречаемости генерализованной ИЗ и ее форм среди подростков различных регионов страны, особенно подростковых популяций национальных республик Южной и Восточной Сибири.

Ряд исследований, проведенных в последнее время, посвящены изучению и анализу различных аспектов использования сети Интернет населением Республики Тыва. Так, Ч. К. Ламажаа в своей работе рассматривает, как современные технологии изменили жизнь тувинцев, указывая то, что в настоящее время функционирование норм, поддержание связей происходит не только в определенном социальном окружении, но и в разных пространственных измерениях, формах — не только офлайн, но и онлайн (Ламажаа, 2021). В работе Ч. Г. Ондар, В. С. Донгак и Д. Ш. Монгуш представлен обзор интернет-ресурсов, в которых функционирует тувинский язык, их проблемы и перспективы (Ондар и др., 2023). Представляет интерес исследование З. О. Кекеевой с соавторами, посвященное изучению сетевой идентичности студенческой молодежи двух российских регионов: студентов Калмыкии и Тувы. Сетевая идентичность рассматривается авторами как феномен самосознания личности, связанный с развитием и внедрением в нашу повседневность интернет-пространства (Кекеева и др., 2022).

В нашей ранней публикации 2021 г. уже были представлены результаты изучения распространенности интернет-зависимого поведения и особенностей потребляемого в интернете контента у под-

ростков Кызыла (Республика Тыва), но одним из принципов формирования групп сравнения было разделение обследованных подростков по школам, участвующим в исследовании (см.: Вопросы современной науки ..., 2021: 24–44.). Проанализированы различия показателей у подростков различной этнической принадлежности, но без разделения их по полу. В данном случае нами предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы и провести исследование, целью которого было изучение особенностей поведения в сети Интернет подростков Кызыла (Республика Тыва) — представителей всех этнических групп, с учетом возраст-половой и этнической принадлежности.

Для реализации этой цели сформулированы следующие задачи: исследовать распространенность различных видов онлайн-поведения: адаптивное пользование интернетом (АПИ), неадаптивное пользование интернетом (НПИ) и патологическое пользование интернетом (ППИ) у подростков Кызыла (Республика Тыва) в зависимости от возраста, пола и этнической принадлежности; оценить особенности структуры потребляемого подростками интернет-контента (игровой, смешанной и недифференцированной зависимости, зависимости от социальных сетей) в группах, различающихся по полу, возрасту и этнической принадлежности; сравнить полученные данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

Материал и методы исследования

Представленное исследование выполнено в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 121022600087-7), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д.м.н., профессор С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются фрагментами выполненной и указанной выше научной темы. Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, и от администраций школ.

Источником информации для работы послужили результаты обследований, проведенных в г. Кызыле — столице Тувы с декабря 2020 по май 2021 г. *Объектом исследования* были группы подростков 12–18 лет — учащихся семи общеобразовательных школ г. Кызыла и одной школы входящего в кызылскую агломерацию п. Каа-Хем (сформированные случайным образом). Общее число школьников, которым были розданы опросники на русском языке, составило 1700 человек. Численность подростков, корректно заполнивших все опросники и включенных в статистический анализ, составила 1659 чел., из них 775 (46,7%) мальчиков и 884 (53,3%) девочек, медиана (Me) возраста обследованных 13,0 [12,0; 14,0] лет.

Численность подростков для обследования предварительно не рассчитывалась, она зависела от числа лиц, удовлетворяющих критериям включения в исследование, невключения и исключения из него. Данные критерии определяли, учитывая клинико-anamnestические данные и сведения из форм 026у (медицинская карта учащегося школы). Авторы принимали во внимание и ограничения исследования: учитывая наличие в стране с начала 2020 г. неблагоприятной эпидемической обстановки — пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, периодически возникала необходимость прерывать исследование в силу перевода школьников на обучение в дистанционном формате и невозможности очного общения с учащимися включенных в исследование школ. После отмены дистанционного обучения исследование продолжалось с соблюдением всех санитарных противоэпидемических требований, как со стороны исследователей, так и со стороны учащихся.

Дизайн исследования включал изучение у подростков групп сравнения следующих показателей: особенностей онлайн-поведения (АПИ, НПИ, ППИ) и потребляемого при интернет-деятельности контента: проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), проблемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), смешанной и недиф-

ференцированной форм ППИ). Анализировались показатели в общей группе обследованных, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом пола: 1 гр. — мальчики (n=775; 46,7%), 2 гр. — девочки (n=884; 53,3%), возраста: 1 гр. — 12–14 лет (n=1280; 77,2%), 2 гр. — 15–18 лет (n=379; 22,8%) и этнической принадлежности: 1 гр. — русские (n=328; 19,8%), 2 гр. — тувинцы (n=1331; 80,2%).

В процессе анализа мы применяли термины АПИ, НПИ и ППИ, используемые при проведении международных медико-социальных исследований онлайн-поведения подростковых и молодежных популяций (Durkee et al., 2016). Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым (Малыгин, Феклисов, 2011). Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки особенностей потребляемого пользователями интернет-контента проводили анализ наличия и частоты встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, смешанной ИЗ (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной интернет-зависимости (лица с ППИ и суммарным CIAS-баллом по шкале Чена ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, но с преобладанием других видов онлайн-активности). Наличие зависимости от компьютерных игр (или игровой зависимости) определялось с использованием опросника «Game Addiction Scale for Adolescents» («Шкала игровой зависимости для подростков») (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающего 7 вопросов. Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось по опроснику «The Social Media Disorder Scale» («Шкала расстройств в социальных сетях») (van den Eijnden, Lemmens, Valkenburg, 2016), состоящего из 9 вопросов.

Анкетирование подростков проводилось в классе, на втором-третьем уроке, в присутствии учителя и исследователя. При этом, исследователь и учитель имели возможность разъяснить смысл формулировок вопросов, включенных в анкету, в случае возникавших у тестируемых затруднений в их понимании.

В качестве источников статистической информации использованы результаты обследования подростков Кызыла и сформированные на их основе электронные базы данных. При *статистической обработке* полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Структура онлайн-поведения подростков

Во всей группе обследованных в Кызыле подростков адаптивный вариант пользования интернетом выявлен у 34,3% (567/1655, ДИ=32,0–36,6%), неадаптивное пользование интернетом (НПИ) — у 51,3% (849/1655, ДИ=48,9–53,7%), а для 14,4% (239/1655, ДИ=12,8–16,2%) обследованных было характерно патологическое (ППИ) или интернет-зависимое пользование интернетом. Число подростков с дезадаптивным (НПИ+ППИ) использованием интернетом составило 65,7% (1088/1655, ДИ=63,4–68,0%).

Этнические различия видов онлайн-поведения у подростков Кызыла иллюстрирует *таблица 1*.

Таблица 1. Онлайн-поведение у тувинских и русских подростков Кызыла

Table 1. Online behavior among Tuvan and Russian teenagers in Kyzyl

Группы обследованных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские подростки (м+д)	161	49,1 43,7–54,5	133	40,5 35,4–45,9	34	10,4 7,5–14,1	328	100,0

2 гр. Тувинские подростки (м+д)	406	30,6 28,2–33,1	716	54,0 51,3–56,6	205	15,4 13,6–17,5	1327	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2 <0,0001 $\chi^2=39,92$		p1-2 <0,0001 $\chi^2=18,92$		p1-2=0,0190 $\chi^2=5,50$			

Как следует из указанной выше таблицы, тувинские подростки (мальчики+девочки) отличались значительно большей частотой дезадаптивных видов онлайн-поведения: как неадаптивного (НПИ), так и патологического (ППИ) или интернет-зависимого.

Данные сравнительного анализа частоты встречаемости вариантов онлайн-поведения у подростков Кызыла различного пола представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Онлайн-поведение у тувинских и русских подростков Кызыла (мальчиков и девочек)

Table 2. Online behavior among Tuvans and Russians Kyzyl teenagers (boys and girls)

Группы обследованных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские мальчики	87	54,4 46,6–61,9	61	38,1 31,0–45,8	12	7,5 4,3–12,7	160	100,0
2 гр. Русские девочки	74	44,0 36,8–51,6	72	42,9 35,6–50,4	22	13,1 8,8–19,0	168	100,0
3 гр. Тувинские мальчики	201	32,7 29,1–36,5	335	54,6 50,6–58,5	78	12,7 10,3–15,6	614	100,0
4 гр. Тувинские девочки	205	28,7 25,6–32,2	381	53,4 49,8–57,1	127	17,8 15,2–20,8	713	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0615 $\chi^2=3,50$		p1-2=0,3829 $\chi^2=0,76$		p1-2=0,0966 $\chi^2=2,76$			
p3-4 (χ^2)	p3-4=0,1163 $\chi^2=2,47$		p3-4=0,6821 $\chi^2=0,17$		p3-4=0,0103 $\chi^2=6,59$			
p1-3 (χ^2)	p1-3<0,0001 $\chi^2=25,44$		p1-3=0,0002 $\chi^2=13,72$		p1-3=0,0674 $\chi^2=3,34$			
p2-4 (χ^2)	p2-4=0,0001 $\chi^2=14,70$		p2-4=0,0136 $\chi^2=6,09$		p2-4=0,1423 $\chi^2=2,15$			

Значимых различий по полу среди русских подростков для всех видов онлайн-поведения выявлено не было, в группе тувинских подростков половые различия имели место только для ППИ, у девочек патологическое пользование интернетом регистрировалось чаще, чем у мальчиков. В то же время, такой вид сетевого поведения, как НПИ, чаще отмечался у тувинских подростков (как мальчиков, так и девочек) в сравнении с подростками русской этнической принадлежности. Противоположная направленность изменений относительно этнических различий была характерна для АПИ (*таб. 2*).

Результаты сравнительного анализа видов онлайн-поведения в различных возрастных группах русских и тувинских подростков отражены в *таблице 3*.

Таблица 3. Онлайн-поведение у подростков Кызыла различных возрастных групп
Table 3. Online behavior among adolescents in Kyzyl different age groups

Группы обследо-ванных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские 12–14 лет	99	48,3 41,5–55,1	81	39,5 33,1–46,3	25	12,2 8,4–17,4	205	100,0
2 гр. Русские 15–18 лет	62	50,4 41,7–59,1	52	42,3 33,9–51,1	9	7,3 3,9–13,3	123	100,0
3 гр. Тувинцы 12–14 лет	315	29,4 26,8–32,2	582	54,3 51,3–57,3	174	16,3 14,2–18,6	1071	100,0
4 гр. Тувинцы 15–18 лет	91	35,5 29,9–41,6	134	52,3 46,2–58,4	31	12,1 8,7–16,7	256	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,557 $\chi^2=3,66$		p1-2=0,5645 $\chi^2=0,33$		p1-2=0,0999 $\chi^2=2,71$			
p3-4 (χ^2)	p3-4 =0,0557 $\chi^2=3,66$		p3-4 =0,5645 $\chi^2=0,33$		p3-4 =0,0999 $\chi^2=2,71$			
p1-3 (χ^2)	p1-3 <0,0001 $\chi^2=27,99$		p1-3=0,0001 $\chi^2=15,16$		p1-3=0,1430 $\chi^2=2,15$			
p2-4 (χ^2)	p2-4=0,0058 $\chi^2=7,62$		p2-4=0,0664 $\chi^2=3,37$		p2-4=0,1551 $\chi^2=2,02$			

Анализ сетевого поведения особенностей пользования интернетом (всех его видов — АПИ, НПИ и ППИ) с позиции возраста продемонстрировал отсутствие статистически значимых различий по возрасту, как среди русских, так и тувинских подростков. Выявлены значимые различия среди младших подростков для показателя НПИ: в младшей возрастной группе тувинцев НПИ встречалось значимо чаще (54,3% против 39,5%, $p=0,0001$). И, наоборот, младшие подростки русской этнической принадлежности отличались большей частотой встречаемости адаптивного пользования интернетом (таб. 3).

Структура потребляемого подростками интернет-контента

Одна из задач нашего исследования включала изучение особенностей потребляемого контента у подростков с интернет-зависимым поведением (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной и недифференцированной интернет-зависимости) с учетом возрастного-половой и этнической принадлежности обследованного контингента. В общей группе обследованных в Кызыле подростков игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, диагностирована у 5,2% (87/1659, ДИ=4,3–6,4%), по мягким критериям — у 17,1% (284/1659, ДИ=15,4–19,0%) и не определялся данный вид интернет-зависимости у большего числа подростков — 77,6% (1288/1659, ДИ=75,6–79,6%). Суммарная доля зависимых от компьютерных игр подростков в общей группе включенных в обследование лиц составила 22,4% (371/1659, ДИ=20,4–24,4%), смешанная ИЗ — 9,2% (24/260, ДИ=6,3–13,4%), недифференцированная — 5,4% (14/260, ДИ=3,2–8,8%) и 13,9% (230/1659, ДИ=12,3–15,6%) из числа всех обследованных были зависимы от социальных сетей. Значимых различий отдельных форм интернет-зависимости между русскими и тувинцами в общей группе обследованных выявлено не было.

Анализ половых различий игровой зависимости у подростков выявил значительное преобладание обеих ее видов (по строгим и мягким критериям) только у тувинцев-мальчиков в сравнении с тувинками-девочками (таб. 4).

Таблица 4. Частота встречаемости игровой интернет-зависимости у подростков Кызыла различного пола
Table 4. The frequency of occurrence of Internet gambling addiction in Kyzyl adolescents of different sexes

Группы обследованных подростков	Игровая интернет-зависимость						Всего	
	Нет		Есть по мягким критериям		Есть по строгим критериям			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские мальчики (n=160)	133	83,1 76,6–88,1	27	16,9 11,9–23,4	8	5,0 2,6–9,6	160	100,0
2гр. Русские девочки (n=168)	148	88,1 82,3–92,2	20	11,9 7,8–17,7	7	4,2 2,0–8,3	168	100,0
3 гр. Тувинские мальчики (n=614)	472	76,9 73,4–80,0	142	23,1 20,0–26,6	46	7,5 5,7–9,8	614	100,0
4 гр. Тувинские девочки (n=715)	620	86,7 84,0–89,0	95	13,3 11,0–16,0	26	3,6 2,5–5,3	715	100,0
p1–2 (χ^2)	p1-2=0,1991 $\chi^2=0,13$		p1-2=0,1991 $\chi^2=1,65$		p1-2=0,7180 $\chi^2=0,13$			
p3–4 (χ^2)	p3-4 <0,0001 $\chi^2=21,83$		p3-4 <0,0001 $\chi^2=21,83$		p3-4=0,0020 $\chi^2=9,57$			
p1–3 (χ^2)	p1-3=0,0882 $\chi^2=2,91$		p1-3=0,5719 $\chi^2=0,32$		p1-3=0,2705 $\chi^2=1,21$			
p2–4 (χ^2)	p2-4=0,6320 $\chi^2=0,23$		p2-4=0,9485 $\chi^2=0,00$		p2-4=0,7444 $\chi^2=0,11$			

Зависимостью от социальных сетей значительно чаще отличались девочки, чем мальчики, это касалось как русских (14,3%, ДИ=9,8–20,4% против 4,4%, ДИ=2,1–8,8%, p=0,0022, $\chi^2=9,40$), так и тувинских (19,8%, ДИ=17,1–22,9% против 9,3%, ДИ=7,2–11,8%, p<0,0001, $\chi^2=29,03$) подростков. Среди мальчиков большей встречаемостью зависимости от социальных сетей характеризовались мальчики-тувинцы (9,3%, ДИ=7,2–11,8%) в сравнении с русскими мальчиками (4,4%, ДИ=2,1–8,8%, p=0,0447, $\chi^2=4,03$). Недифференцированная интернет-зависимость преобладала у девочек.

Результаты сравнительного анализа различных видов интернет-зависимости (игровой, от социальных сетей) в двух возрастных группах русских и тувинских подростков включены в таблицу 5.

Установлено, что игровая интернет-зависимость, верифицированная по строгим критериям, а также интернет-зависимость от социальных сетей, значительно чаще отмечались у подростков русской этнической принадлежности 12–14 лет. Среди тувинцев более частую зависимость от социальных сетей имели подростки старшего возраста (таб. 5).

Таблица 5. Виды интернет-зависимости у подростков Кызыла различных возрастных групп и этнической принадлежности

Table 5. Types of Internet addiction in teenagers of Kyzyl different age groups and ethnicity

Группы обследо- ванных подростков	Вид интернет-зависимости						Всего	
	Игровая зависимость по мягким критериям		Игровая зависимость по строгим критериям		Зависимость от социальных сетей			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские 12–14 лет	33	16,1 11,7–21,7	13	6,3 3,7–10,5	26	12,7 8,8–17,9	205	100,0
2 гр. Русские 15–18 лет	14	11,4 6,9–18,2	2	1,6 0,4–5,7	5	4,1 1,7–9,2	123	100,0
3 гр. Тувинцы 12–14 лет	200	18,6 16,4–21,0	60	5,6 4,4–7,1	168	15,6 13,6–17,9	1075	100,0
4 гр. Тувинцы 15–18 лет	37	14,4 10,7–19,3	12	4,7 2,7–8,0	31	12,1 8,7–16,7	256	100,0
p1–2 (χ^2)	p1–2=2380 $\chi^2=1,39$		p1–2= 0,0478 $\chi^2=3,92$		p1–2= 0,0075 $\chi^2=7,15$			
p3–4 (χ^2)	p3–4 =0,1187 $\chi^2=2,43$		p3–4 =0,5699 $\chi^2=0,32$		p3–4 =0,1560 $\chi^2=2,01$			
p1–3 (χ^2)	p1–3 =0,3939 $\chi^2=0,73$		p1–3=0,6672 $\chi^2=0,18$		p1–3=0,2812 $\chi^2=1,16$			
p2–4 (χ^2)	p2–4=0,4121 $\chi^2=0,67$		p2–4=0,1390 $\chi^2=2,19$		p2–4=0,0124 $\chi^2=6,25$			

Обсуждение

В результате проведенного нами исследования были установлены особенности распространенности и структуры онлайн-поведения подростков Кызыла и потребляемого ими интернет-контента. Безусловно, выявленные нами в рамках одного региона возрастно-половые и этнические различия распространенности и структуры онлайн-поведения у подростков Тувы не являются уникальными, в связи с чем мы сопоставили полученные нами данные с результатами других авторов и своими собственными, полученными в ходе обследований подростковых популяций различных регионов Сибири (Красноярский край, Хакасия, Якутия). Для корректного сравнения собственных результатов с данными других авторов, мы в своих исследованиях использовали оригинальные версии международно принятых диагностических опросников, сведения о которых представлены выше.

По результатам проведенного нами впервые в Центральной Сибири скринингового исследования онлайн-поведения подростков, охватившего 2950 школьников г. Красноярска 12–18 лет, проанализированы возрастно-половые особенности сетевого поведения и потребляемого интернет-контента. В ходе данного исследования установлена распространенность в общей группе обследованных: для АПИ — 50,3%, для НПИ — 42,9%, для ППИ — 6,8% (Семенова и др., 2020).

По данным настоящего исследования, в общей группе включенных в обследование подростков Тувы адаптивное пользование интернетом имели 34,3% подростков, неадаптивное — 51,3% и пато-

логическое (интернет-зависимое) — 14,4%. Суммарное число лиц с дезадаптивным (НПИ+ППИ) использованием интернетом составило 65,7% среди всех обследованных. Полученные в ходе настоящего исследования данные мы соотнесли с результатами других исследований и своими, проведенными ранее. Так, частота АПИ, по результатам нашего исследования, составляла всего 34,3%, что ниже результата, полученного в Москве и Подмосковье — 66,5% (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), ниже показателя подростков Красноярска — 50,3% (Семенова и др., 2020), а также существенно ниже аналогичных показателей большинства европейских стран, включенных в многоцентровое исследование (Kaess et al., 2014). Относительно сопоставима с нашими данными встречаемость АПИ (34,3%) только среди подростковой популяции на Филиппинах — 49,1% (Mak et al., 2014).

Частота встречаемости патологического (интернет-зависимого) онлайн-поведения среди подростков Кызыла составила 14,4%. Значения данного показателя превышали его величину у подростков Красноярска — 6,8% (Семенова и др., 2020), оказались выше показателей школьников Москвы и Подмосковья — 4,2% (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), выше, чем у подростков Германии — 4,8%, Италии — 4,4%, Румынии — 8,7% и Испании — 7,2% и, в целом, были сопоставимы с данными Эстонии — 11,5% (Kaess et al., 2014). Распространенность ППИ у подростков Кызыла превышала также показатели ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Китай — 9,6%, Гонконг — 16,4%, Япония — 6,2%, Южная Корея — 9,7%, была сопоставимой с данными Малайзии — 14,1%, но ниже распространенности ППИ на Филиппинах — 21,1% (Mak et al., 2014).

Обследование 425 подростков в г. Абакане (Республика Хакасия) и 221 подростка в г. Якутске (Республика Якутия/Саха) в возрасте 12–18 лет (мальчиков и девочек), проведенное нами по аналогичному дизайну в 2020–2022 гг. в рамках научно-исследовательского проекта «Психосоматические расстройства в подростковом и юношеском возрасте: распространенность, факторы риска, этногеографические различия, нейрогуморальные ассоциации и психологические аспекты», реализуемого по тематическому плану научных исследований №4 в ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан, Республика Хакасия), выявили распространенность ППИ у 8,2% всех обследованных в Абакане (показатель оказался ниже, чем в Кызыле — 14,4%) и у 23,6% — в Якутске, что значительно превышало данный показатель у подростков Кызыла¹.

В соответствии с результатами настоящего исследования, этническими особенностями изучаемых характеристик была большая частота дезадаптивных видов онлайн-поведения у тувинских подростков в сравнении с русскими: как неадаптивного (54,0% и 40,5%, $p < 0,0001$), так и патологического (15,4% и 10,4%, $p = 0,0190$) пользования интернетом. Аналогичная тенденция отмечена и в общей группе обследованных подростков Якутска. Так, у подростков-якутов встречаемость ППИ была значительно выше (24,3%), чем у их русских сверстников (6,1%), аналогичные показатели у подростков Абакана были сопоставимыми: 8,4% — у подростков-хакасов и 8,2% — у подростков русской этнической принадлежности².

В настоящем исследовании значимых различий *по полу* среди русских подростков для всех видов онлайн-поведения не выявлено, в группе тувинских подростков половые различия имели место только для ППИ: у девочек частота встречаемости этого вида онлайн-поведения была выше (17,8%), чем у мальчиков (12,7%, $p = 0,0103$). В то же время, такой вид сетевого поведения, как НПИ, чаще регистрировался у тувинцев: как мальчиков (54,6%), так и девочек (53,4%) в сравнении с русскими подростками, аналогичные показатели которых были равны 38,1% ($p = 0,0002$) и 42,9% ($p = 0,0136$).

По результатам обследования подростков Красноярска, было установлено, что неадаптивные виды онлайн-поведения чаще отмечались у девочек, а адаптивные — у мальчиков. Так, НПИ регистрировалось у 46,3% девочек и 38,9% мальчиков ($p < 0,001$), а ППИ — у 8,2% девочек и 5,1% мальчиков ($p < 0,001$) (Семенова и др., 2020).

Следует указать, что полученные данные расходятся с результатами большинства исследований, проведенных за рубежом, согласно которым, частота ППИ у лиц мужского пола превышает данный показатель у лиц женского пола. К примеру, общая распространенность ППИ в ряде европейских

¹ Результаты исследований, выполненных в ходе указанного выше проекта, представлены нами впервые в данной статье, но анализироваться будут уже в последующих публикациях.

² Результаты сравнительного анализа этнических различий видов онлайн-поведения у подростков Якутска и Абакана также представлены нами впервые в данной работе.

стран (международное исследование EU NET ADB) составила 1,6% среди юношей и 0,9% среди девушек (Tsitsika et al., 2014); в исследовании SEYLE (Durkee et al., 2012, 2016) значения данного показателя составили 5,2% — у юношей и 3,8% — у девушек.

Аналогичную картину демонстрируют и результаты других зарубежных исследований: встречаемость ППИ среди подростков Норвегии составляет 2,4% у мальчиков и 1,5% у девочек (Johansson, Göttestam, 2004); в подростковой популяции Китая — соответственно 16,5% и 9,5% (Wu et al., 2013); аналогично и у подростков Турции — 20,4% и 9,3% (Sasmaz et al., 2014). В Литве ППИ регистрировалось у 10,6% мальчиков и у меньшего (7,7%) числа — девочек (Ustinavičienė et al., 2016). Однако, данная тенденция выявлена не во всех работах зарубежных авторов: так, при исследовании подростков Германии (Müller et al., 2017; Lindenberg et al., 2018) и Канады (Torres-Rodríguez et al., 2018), значимых половых различий получено не было.

Наличие различий между представителями разных полов, выявленных в настоящем исследовании у подростков-тувинцев (для ППИ — 17,8% и 12,7%, $p=0,0103$), совпадает с результатами обследования подростков Красноярска (для ППИ — 8,2% и 5,1%, $p<0,05$; для НПИ — 46,3% и 38,9%, $p<0,05$) (Семенова и др., 2020), а также с результатами, полученными в Москве и Подмоскovie (Малыгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), где численность подростков с ППИ составила 3,8% среди мальчиков и 4,8% — среди девочек. Возможным объяснением существования гендерных различий частоты ППИ и НПИ, вероятно, могут быть особенности методологических подходов при проведении опроса, а также наличие социально-экономических и этнокультурных особенностей обследуемого контингента, в то же время нельзя исключить и существование истинных различий между представителями разных полов.

В процессе проверки нашего предположения о росте патологического пользования интернетом в популяции подростков Кызыла с возрастом, было установлено отсутствие значимых возрастных различий как среди русских подростков, так и среди тувинцев. В то же время, для показателя НПИ выявлены значимые различия в группе младших подростков: в младшей возрастной группе тувинцев НПИ встречалось значимо чаще (54,3% против 39,5%, $p=0,0001$) и, наоборот, младшая группа русских подростков отличалась большей встречаемостью АПИ. В сравнительном аспекте анализ онлайн-поведения у подростков Красноярска с позиции возрастных различий выявил увеличение ППИ в старшей возрастной группе (7,8%) против 5,9% — в младшей группе ($p=0,0400$) (Семенова и др., 2020). Тенденция роста ППИ с возрастом нашла свое подтверждение также в исследовании подростков Хакасии, показавшем большую численность лиц с ППИ (9,0%) среди подростков старшего возраста в сравнении с младшими подростками (6,5%), аналогичной была направленность динамики ППИ в связи с возрастом и в популяции подростков Якутии¹.

Один из фрагментов настоящего исследования был посвящен изучению потребляемого подростками Кызыла интернет-контента с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности обследованного контингента. Итогом решения данной задачи стали данные о распространенности в общей выборке обследованных игровой (5,2% — по строгим и 17,1% — по мягким критериям), смешанной (9,2%) и недифференцированной (5,4%) интернет-зависимости, а 13,9% из числа всех обследованных были зависимы от социальных сетей. Значимых различий отдельных форм интернет-зависимости между русскими и тувинцами в общей выборке обследованных выявлено не было.

По данным скрининга красноярских подростков, большей частотой встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей и смешанной интернет-зависимости отличалась младшая подростковая группа, тогда как встречаемость недифференцированной ИЗ была сопоставимой в обеих возрастных группах (Эверт и др., 2020). В обследованной в Хакасии популяции младшие подростки также чаще старших отличались более высокой встречаемостью игровой интернет-зависимости и зависимости от социальных сетей, показатели смешанной и недифференцированной интернет-зависимости были сопоставимы в двух возрастных группах. Аналогичной была тенденция относительно данных показателей и среди обследованной популяции подростков Якутии².

¹ Результаты собственных исследований, проведенных в рамках указанного выше гранта РФФИ № 18-29-22032 мк и научной тематики ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», мы приводим в данной работе впервые, ранее они опубликованы не были и будут представлены в последующих публикациях.

² Результаты собственных исследований, проведенных в рамках указанного выше гранта РФФИ № 18-29-22032 мк и научной тематики ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» 2020–2022 гг., ранее также опубликованы не были и мы приводим эти данные здесь впервые.

Анализ *половых* различий игровой зависимости у тувинских подростков выявил значительное преобладание обоих видов этого онлайн-контента (по строгим и мягким критериям) только у тувинцев-мальчиков в сравнении с тувинками-девочками. Зависимостью от социальных сетей значительно чаще характеризовались девочки, чем мальчики, это касалось как русских (14,3% и 4,4%, $p=0,0022$), так и тувинских (19,8% и 9,3%, $p<0,0001$) подростков. Среди мальчиков большей встречаемостью зависимости от социальных сетей характеризовались мальчики-тувинцы (9,3%) в сравнении с русскими мальчиками (4,4%, $p=0,0447$). Недифференцированная интернет-зависимость преобладала у девочек. Игровая интернет-зависимость, верифицированная по строгим критериям, а также зависимость от социальных сетей, в большей степени характерны для младшей возрастной группы русских подростков. Среди тувинских подростков более частую зависимость от социальных сетей имели подростки старшего возраста.

Важно отметить, что социальные и этнокультурные факторы, оказывающие значимое влияние на формирование неконтролируемого онлайн-поведения подростков и молодежи, имеют различия в разных странах. Результаты изучения распространенности патологического пользования интернетом и особенностей потребляемого контента (проблемного использования компьютерных игр и социальных сетей), полученные исследователями разных стран и регионов, неоднозначны. Для корректной сопоставимости полученных данных необходимо использование единых методологических подходов, диагностического инструментария и оценочных критериев.

Заключение

Современная эпидемиология интернет-зависимости должна базироваться на использовании валидных диагностических методик и применении национально адаптированных версий опросников. Безусловно, важными аспектами является учет региональных, возрастно-половых, этно-социальных факторов, а также особенностей потребляемого онлайн-контента. Результаты проведенного нами в Туве широкомасштабного скринингового исследования, включавшего тестирование 1659 подростков Кызыла 12–18 лет с использованием международно признанного опросника С.-Н. Чена (CIAS), направленного на изучение распространённости различных видов сетевого поведения, выявили достаточно высокую распространенность патологического и неадаптивного пользования интернетом среди подростков Кызыла, что свидетельствует об актуальности проблемы интернет-зависимости для подростковой популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные об особенностях структуры потребляемого контента (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной, недифференцированной зависимости), у подростков Кызыла с позиций возрастно-половых и этнических различий.

Высокий уровень распространенности интернет-зависимого поведения у тувинских подростков свидетельствует о необходимости разработки профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику дезадаптивного пользования интернетом, сохранение здоровья детского подросткового населения Тувы, что очень важно в связи с наличием установленных многими исследователями фактами высокой вероятности нарушений соматического и нервно-психического здоровья у интернет-зависимых пользователей интернета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн, А. (2015) Интернет-зависимость: диагностика, коморбидность и лечение [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 3. URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer05.php (дата обращения: 10.07.2023).

Варламова, С. Н., Гончарова, Е. Р., Соколова, И. В. (2015) Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. № 2. С. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>

Вопросы современной науки (2021) / под ред. А. А. Еникеева. М. : Изд. Интернаука. Т. 65. 150 с.

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громько, Д. И., Долгих, Н. В., Ерофеева, Н. А., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. А., Магомедова, Е. А., Нечаева, А. И., Пашкевич, Н. В., Семенова, Ю. В., Сидоров, А. А., Ханьков, В. В., Кибитов, А. А., Крупицкий, Е. М., Шмуклер, А. Б., Кибитов, А. О. (2020) Клинико-психопатологические

особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Егоров, А. Ю. (2015) Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 28.07.2023)

Егоров, А. Ю., Чарная, Д. И., Хуторянская, Ю. В., Павлов, А. В., Гречаный, С. В. (2018) Интернет-зависимое поведение у подростков с психическими расстройствами // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. № 4. С. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Кибитов, А. О., Трусова, А. В., Егоров, А. Ю. (2019) Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты // Вопросы наркологии. Т. 174. № 3. С. 22–47. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Кибитов, А. О., Чупрова, Н. А., Гречаный, С. В., Соловьева, М. Г., Бродянский, В. М., Меркулова Т. В., Николишин А. Е., Солдаткин В. А., Яковлев А. Н., Илюк Р. Д., Крупицкий Е. М., Шмуклер А. Б., Егоров А. Ю. (2020) Генетические маркеры риска выраженности симптомов и проявлений интернет-зависимости по шкале CIAS: предварительные результаты // Вопросы наркологии. Т. 184. № 1. С. 60–82. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Лопатин, Д. В., Королева, Н. Л., Анурьева, М. С., Пузанова, Я. М., Остапчук, К. И. (2017) Проблема безопасности школьников в сети Интернет // Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. Тамбов. Т. 22. Вып. 1. С. 232–236. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-22-1-232-236>

Макарова, И. А., Резников, С. А. (2020) Организация профилактики интернет-зависимости подростков в современной школе // Вопросы педагогики. Т. 6. № 2. С. 143–146.

Малыгин, В. Л., Феклисов, К. А. (2011) Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М. : МГМСУ. 32 с.

Малыгин, В. Л., Хомерики, Н. С., Антоненко, А. А. (2015) Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 30. № 7. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 28.07.2023).

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Рыбакова, О. С. (2017) Законодательное регулирование обеспечения безопасности ребенка в интернет-пространстве // Правовая информатика. № 4. С. 49–54.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K., Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors // Trends in Psychiatry and Psychotherapy. Vol. 42. № 4. P. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>

Becirovic, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door // Psychiatr Danub. Vol. 32. № 3. P. 382–385. PMID: 33030458.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // Journal of Medical Internet Research. Vol. 22. № 7. e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 13. № 3. P. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J.-P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological Internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction*. Vol. 107. № 12. P. 2210–2222. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Griffiths, M. D., Pontes, M. H., Szabo, A. (2016) The impact of Internet-based specific activities on the perceptions of Internet addiction, quality of life, and excessive usage: A cross-sectional study // *Addictive Behaviors Reports*. № 1. P. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2015.03.002>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R., Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems // *Psychiatry Research*. Vol. 236. P. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Jaiswal, A., Manchanda, S., Gautam, V., Goel, A. D., Aneja, J., Raghav, P. R. (2020) Burden of internet addiction, social anxiety and social phobia among University students, India // *Journal of Family Medicine and Primary Care*. Vol. 9. № 7. P. 3607–3612. DOI: https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_360_20

Johansson, A., Göttestam, K. G. (2004) Internet addiction: characteristics of a questionnaire and prevalence in Norwegian youth // *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 45. № 3. P. 223–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9450.2004.00398.x>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J., Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours // *European Child Adolescent Psychiatry*. Vol. 23. № 11. P. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 77. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Karacic, S., Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study // *JMIR Mental Health*. Vol. 4. № 2. article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Journal of Media Psychology*. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janócha, C., Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 15. № 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H., Ho, R. C. M. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents // *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1237–1245. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M., Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 7. P. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giral, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 78. № 3. e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M., Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 89. № 2. P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Reiner, I., Tibubos, A. N., Hardt, J., Müller, K., Wölfling, K., Beutel, M. E. (2017) Peer attachment, specific patterns of internet use and problematic internet. 33in male and female adolescents // *European Child and Adolescent Psychiatry*. Vol. 26. № 10. P. 1257–1268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-017-0984-0>

Sasmaz, T., Oner, S., Kurt, A. Ö., Yapici, G., Yazici, A. E., Bugdayci, R., Sis, M. (2014) Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students // *European Journal of Public Health*. Vol. 24. № 1. P. 15–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckt051>

Soh, P. C., Chew, K. W., Koay, K. Y., Ang, P. H. (2018) Parents vs peers' influence on teenagers' Internet addiction and risky online activities // *Telematics and Informatics*. Vol. 35. № 1. P. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.11.003>

Tereshchenko, S., Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents // *Behavioral Sciences*. Vol. 6. № 9. P. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Torres-Rodríguez, A., Griffiths, M. D., Carbonell, X., Oberst, U. (2018) Internet gaming disorder in adolescence: Psychological characteristics of a clinical sample // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 7. № 3. P. 707–718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/2006.7.2018.75>

Tsitsika, A., Janikian, M., Schoenmakers, T. M., Tzavela, E. C., Olafsson, K., Wójcik, S., Macarie, G. F., Tzavara, C., Richardson, C. (2014) Internet addictive behavior in adolescence: a cross-sectional study in seven European countries // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 17. № 8. P. 528–535. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cyber.2013.0382>

Ustinavičienė, R., Škėmienė, L., Lukšienė, D., Radišauskas, R., Kalinienė, G., Vasilavičius, P. (2016) Problematic computer game use as expression of Internet addiction and its association with self-rated health in the Lithuanian adolescent population // *Medicina (Kaunas)*. Vol. 52. № 3. P. 199–204. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.medic.2016.04.002>

Vaccaro, A. G., Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 10. P. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00405>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wu, X., Chen, X., Han, J., Meng, H., Luo, J., Nydegger, L., Wu, H. (2013) Prevalence and factors of addictive Internet use among adolescents in Wuhan, China: interactions of parental relationship with age and hyperactivity-impulsivity // *PLoS One*. Vol. 8. № 4. e61782. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061782>

Дата поступления: 30.07.2023 г.

Дата принятия: 13.09.2023 г.

REFERENCES

Vainshtein, A. (2015) Internet-zavisimost': diagnostika, komorbidnost' i lechenie [Internet addiction: diagnosis, comorbidity and treatment]. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, pp. 3 [online] Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer05.php (access: 10.07.2023). (In Russ.).

Varlamova, S. N., Goncharova, E. R. and Sokolova, I. V. (2015) Internet-zavisimost' molodezhi megapolisov: kriterii i tipologiya [Internet addiction of the youth of megacities: criteria and typology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 165–181. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>

Voprosy sovremennoi nauki [Questions of modern science] (2021) / ed. by A. A. Enikeeva. Moscow, Internauka. Vol. 65. 150 p. (In Russ.).

Egorov, A. Yu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I., Dolgikh, N. V., Erofeeva, N. A., Pozdnyak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. A., Magomedova, E. A., Nechaeva, A. I., Pashkevich, N. V., Semenova, Iu. V., Sidorov, A. A., Khanykov, V. V., Kibitov, A. A., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Kibitov, A. O. (2020) Kliniko-psihopatologicheskie osobennosti lits s internet-zavisimost'iu: opyt pilotnogo issledovaniia [Clinical and psychological features of people with internet dependence: experience of a pilot study]. *Zhurnal Nevrologii i Psikiatrii imeni S.S. Korsakova*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Egorov, A. Yu. (2015) Sovremennye predstavleniia ob internet-addikttsiiakh i podkhodakh k ikh korrektsii [Modern ideas about Internet addiction and approaches to their correction]. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, p. 4 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access: 28.07.2023). (In Russ.).

Egorov, A. Yu., Charina, D. I., Khutorianskaia, Iu. V., Pavlov, A. V. and Grechanyi, S. V. (2018) Internet-zavisimoe povedenie u podrostkov s psikhicheskimi rasstroistvami [Internet-dependent behavior in adolescents with mental disorders]. *V. M. Bekhterev Review Of Psychiatry And Medical Psychology*, no. 4, pp. 35–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>

Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V., Mueva A. V. and Oorzhak A. B. (2022) Issledovanie setevoi identichnosti studencheskoi molodezhi regionov Rossii (na primere Kalmykii i Tuvy) [Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kibitov, A. O., Trusova, A. V. and Egorov, A. Yu. (2019) Internet-zavisimost': klinicheskie, biologicheskie, geneticheskie i psikhologicheskie aspekty [Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects]. *Voprosy narkologii*, vol. 174, no. 3, pp. 22–47. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Kibitov, A. O., Chuprova, N. A., Grechanyi, S. V., Solov'eva, M. G., Brodianskii, V. M., Merkulova T. V., Nikolishin A. E., Soldatkin V. A., Iakovlev A. N., Iliuk R. D., Krupitskii E. M., Shmukler A. B. and Egorov A. Yu. (2020) Geneticheskie markery riska vyrazhennosti simptomov i proiavlenii internet-zavisimosti po shkale CIAS: predvaritel'nye rezul'taty [Genetic markers of the risk of the severity of symptoms and manifestations of Internet addiction on the CRIES scale: preliminary results]. *Voprosy narkologii*, vol. 184, no. 1, pp. 60–82. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naiia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lopatin, D. V., Koroleva, N. L., Anur'eva, M. S., Puzanova, Ya. M., Ostapchuk, K. I. (2017) Problema bezopasnosti shkol'nikov v seti Internet [The problem of children's security on the Internet]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, vol. 22, issue 1, pp. 232–236. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-232-236>

Makarova, I. A. and Reznikov, S. A. (2020) Organizatsiia profilaktiki internet-zavisimosti podrostkov v sovremennoi shkole [Organization of prevention of Internet addiction of adolescents in a modern school]. *Voprosy pedagogiki*, vol. 6, no. 2, pp. 143–146. (In Russ.).

Malygin, V. L. and Feklisov, K. A. (2011) *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki [Internet-dependent behavior. Diagnostic criteria and methods]*. Moscow, MGMSU. 32 p. (In Russ.).

Malygin, V. L., Khomeriki, N. S. and Antonenko, A. A. (2015) Individual'no-psikhologicheskie svoistva podrostkov kak faktory riska formirovaniia internet-zavisimogo povedeniia [Individual psychological properties of adolescents as risk factors for the formation of Internet-dependent behavior]. *Meditssinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 30, no. 7, pp. 7 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access: 28.07.2023). (In Russ.).

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. S. (2023) Tuvinskii iazyka v Internete: predstavlenost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Rybakova, O. S. (2017) Zakonodatel'noe regulirovanie obespecheniia bezopasnosti rebenka v internet-prostranstve [Legislative regulation of child safety in the Internet space]. *Pravovaia informatika*, no. 4, pp. 49–54. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Rasprostranennost' internet-zavisimosti u podrostkov Tsentral'noi Sibiri [Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia]. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B., Shubina, M. V. (2020) Internet-zavisimost' u podrostkov Tsentral'noi Sibiri: analiz rasprostranennosti i struktura potreblaemogo kontenta [Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content]. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K. and Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, vol. 42, no. 4, pp. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>

Besirovis, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door. *Psychiatr Danub*, vol. 32, no. 3, pp. 382–385. PMID: 33030458

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, p. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J.-P., Mandelli, L.,

Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W. and Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological Internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors. *Addiction*, vol. 107, no. 12, pp. 2210–2222. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Griffiths, M. D., Pontes, M. H. and Szabo, A. (2016) The impact of Internet-based specific activities on the perceptions of Internet addiction, quality of life, and excessive usage: A cross-sectional study. *Addictive Behaviors Reports*, no. 1, pp. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2015.03.002>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R. and Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems. *Psychiatry Research*, vol. 236, pp. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Jaiswal, A., Manchanda, S., Gautam, V., Goel, A. D., Aneja, J. and Raghav, P. R. (2020) Burden of internet addiction, social anxiety and social phobia among University students, India. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, vol. 9, no. 7, pp. 3607–3612. DOI: https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_360_20

Johansson, A. and Götestam, K. G. (2004) Internet addiction: characteristics of a questionnaire and prevalence in Norwegian youth. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 223–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9450.2004.00398.x>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J. and Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours. *European Child Adolescent Psychiatry*, vol. 23, no. 11, pp. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Karacic, S. and Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study. *JMIR Mental Health*, vol. 4, no. 2, article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Journal of Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janócha, C. and Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, no. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H. and Ho, R. C. M. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*, vol. 42, no. 7, pp. 1237–1245. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M. and Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 7, pp. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giral, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, no. 3, e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M. and Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 89, no. 2, pp. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Reiner, I., Tibubos, A. N., Hardt, J., Müller, K., Wölfling, K. and Beutel, M. E. (2017) Peer attachment, specific patterns of internet use and problematic internet. 33in male and female adolescents. *European Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 26, no. 10, pp. 1257–1268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-017-0984-0>

Sasmaz, T., Oner, S., Kurt, A. Ö., Yapici, G., Yazici, A. E., Bugdayci, R. and Sis, M. (2014) Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students. *European Journal of Public Health*, vol. 24, no. 1, pp. 15–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckt051>

Soh, P. C., Chew, K. W., Koay, K. Y. and Ang, P. H. (2018) Parents vs peers' influence on teenagers' Internet addiction and risky online activities. *Telematics and Informatics*, vol. 35, no. 1, pp. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.11.003>

Tereshchenko, S. and Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents. *Behavioral Sciences*, vol. 6, no. 9, pp. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Torres-Rodríguez, A., Griffiths, M. D., Carbonell, X. and Oberst, U. (2018) Internet gaming disorder in adolescence: Psychological characteristics of a clinical sample. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 3, pp. 707–718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/2006.7.2018.75>

Tsitsika, A., Janikian, M., Schoenmakers, T. M., Tzavela, E. C., Olafsson, K., Wójcik, S., Macarie, G. F., Tzavara, C. and Richardson, C. (2014) Internet addictive behavior in adolescence: a cross-sectional study in seven European countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 17, no. 8, pp. 528–535. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cyber.2013.0382>

Ustinavičienė, R., Škėmienė, L., Lukšienė, D., Radišauskas, R., Kalinienė, G. and Vasilavičius, P. (2016) Problematic computer game use as expression of Internet addiction and its association with self-rated health in the Lithuanian adolescent population. *Medicina (Kaunas)*, vol. 52, no. 3, pp. 199–204. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.medic.2016.04.002>

Vaccaro, A. G. and Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 10, pp. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00405>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wu, X., Chen, X., Han, J., Meng, H., Luo, J., Nydegger, L. and Wu, H. (2013) Prevalence and factors of addictive Internet use among adolescents in Wuhan, China: interactions of parental relationship with age and hyperactivity-impulsivity. *PLoS One*, vol. 8, no. 4, e61782. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061782>

Submission date: 30.07.2023.

Acceptance date: 13.09.2023.